

Наверное, Волков не работает специально с урбанистическими фобиями. В том смысле, что не эксплуатирует их сознательно. Просто обнаруживает их в себе и пытается передать. В результате получается нечто противоположное классической интерьерной живописи. Ведь обычно изображение интерьера подразумевает присутствие человека, даже если его не видно. В этом состояла особая прелесть жанра, около двухсот лет назад именовавшегося «в комнатах». Усадебные анфилады и рабочие кабинеты изображались безлюдными, но как бы ждущими своих хозяев и несущими на себе отпечаток их личности.

Зритель оказывается в роли нечаянного гостя, который через обстановку постигает характер отсутствующего визави – примерно так чувствовала себя Татьяна Ларина в пустынном доме Онегина.

У Волкова совсем другой колорит: в его трактовке даже сам Онегин, созерцая свой кабинет, мог бы сойти с ума от невозможности понять, кто же он такой. Точка зрения, конечно, не очень оптимистичная, но в ней есть сила достоверности. Как изжить отчуждение от своих вещей, от пейзажа за окном, от себя самого? Может быть, и никак. Может быть, с этим следует просто жить – ведь живут же люди с дальтонизмом и плоскостопием. Во всяком случае, у Волкова рецептов нет. Он это просто заметил.

Андрей Волков. «Пустые комнаты». В Центре современного искусства М`АРС (Пушкарев пер., 5) до 19 июля.

На сайте используются cookies. Продолжая использовать сайт, вы принимаете [условия](#)

Ok